

ЧАК ПАЛАНИК

18+

СНАФФ

РОМАН

Чак Паланик

Снафф

«АСТ»

2008

Паланик Ч.

Снафф / Ч. Паланик — «АСТ», 2008

Легендарная порнозвезда Касси Райт завершает свою карьеру. Однако уйти она намерена с таким шиком и блеском, какого мир «кино для взрослых» еще не знал. Она собирается заняться перед камерами сексом ни больше ни меньше, чем с шестьюстами мужчинами! Специальные журналы неистовствуют. Ночные программы кабельного телевидения заключают пари – получится или нет? Приглашенные поучаствовать любители с нетерпением ждут своей очереди и интригуют, чтобы пробиться вперед. Самые опытные асы порно затаили дыхание... Отсчет пошел!

© Паланик Ч., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

1. Мистер 600	6
2. Мистер 72	8
3. Мистер 137	11
4. Шейла	15
5. Мистер 600	19
6. Мистер 72	22
7. Мистер 137	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чак Паланик

Снафф

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.;

© Chuck Palahniuk, 2008

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

*Герцогиня: А говорят, всего дороже те бриллианты,
Каких касались ювелиров многих руки.*

Фердинанд: Раз так, продажным девкам нет цены.

Джон Уэбстер, «Герцогиня Мальфи» (I, II)

1. Мистер 600

Чувак, одетый в одни боксеры, весь день простоял у буфета, слизывая оранжевое напыление с картофельных чипсов со вкусом барбекю. Другой чувак, рядом с ним, окунал чипсу в луковый соус и облизывал – раз за разом, ту же самую размокшую чипсу. Не обязательно сосать на столб. Есть миллион других способов, чтобы пометить «свою» территорию.

Что касается обеспечения жрачкой, у нас тут два раскладных стола, заставленных банками газировки и открытыми пакетами с дешевыми кукурузными чипсами. Чуваков вызывают на съемочную площадку – девочка, ассистент режиссера, объявляет их номера, и они отправляются спускаться перед камерой, дожидаясь на ходу кукурузные хлопья, политые карамелью. Их пальцы горят от чесночной соли. Пальцы слипаются от сиропа.

Одноразовые исполнители, они пришли лишь затем, чтобы потом говорить, что они тоже здесь были. Мы, ветераны, пришли пообщаться и оказать Касси услугу. Помочь ей приблизиться к мировому рекорду – еще на один член. Мы пришли стать свидетелями истории.

На буфетных столах миски, доверху полные презервативов, соседствуют с мисками, в которых соленые крендельки. Шоколадные мини-батончики. Арахис в меду. На полу – пластиковые обертки от конфет и гондонов, смятые, разодранные зубами. Те же руки, которые зачерпывают пригоршнями «M&M's», лезут в трусы и оглаживают приборы в состоянии полуготовности. Пальцы цвета конфет. Эрекции со вкусом острого соуса «по-деревенски».

Дыхание, пропахшее арахисом. Рутбиром. Чипсами-барбекю. Ароматы, которыми дышат в лицо Касси.

Наркоманы в ломке расчесывают себе руки. Девственники-старшеклассники желают расстаться с девственностью перед камерой. Вон тот малыш, мистер 72, явно нацелился убить одним «выстрелом» сразу двух зайцев: лишиться невинности и одновременно войти в историю.

Худосочные дядьки, не снявшие футболки, которые будут постарше некоторых из присутствующих исполнителей. Футболки, выпущенные к премьере «Секса с городом» целую жизнь назад. Футболки фан-клуба из тех времен, когда Касси снималась в «Постельных горизонтах». Футболки явно постарше мистера 72, отпечатанные по трафарету еще до его рождения.

Громкие чуваки кричат в сотовые телефоны – что-то о фондовых опционах и курсах акций – и одновременно гоняют лысого. На бицепсе каждого исполнителя – номер от одного до 600. Девочка-ассистентка разметила всех черным маркером. Их прически – мемориалы гелю и терпению. Загар и туманная дымка одеколону.

Комната заставлена складными стульями. Для создания нужного настроения есть потрепанные порножурналы.

Шейла, девочка-ассистентка с папкой-планшетом в руках, выкрикивает номера. Номер 16, номер 31 и номер 211. Сейчас эти трое поднимутся вверх по лестнице, ведущей на съемочную площадку.

Чуваки в теннисных туфлях. В топсайдерах. В тесных плавках. В ботинках и синих носках до середины икры, держащихся на смешных старомодных подвязках. В пляжных сандалиях в корке песка, отчего каждый шаг отдается скрипучим скрежетом.

Старый анекдот: чтобы уговорить девочку сняться в порно, предложите ей миллион долларов. Чтобы уговорить парня, предложите ему... сняться в порно. На самом деле это не анекдот. Не совсем анекдот. Не из тех, над которыми надо смеяться.

За исключением разве что нас, профессиональных работников отрасли, большинство из присутствующих – просто случайные люди с улицы, которые прочли объявление в «Adult Video News». Приглашение на кинопробы. Стояк и справка от доктора об отсутствии вене-

рических заболеваний – собственно, вот и весь кастинг. Да, кстати, детское порно здесь не снимают, так что берут только тех, кому есть восемнадцать.

Мы, у кого сбриты волосы на груди, а лобковые волосы вырваны воском, ждем в одной очереди вместе с софтбольной командой даунов.

Чернокожие, азиаты, латиносы. Чувак в инвалидной коляске. Что-то для каждого рыночного сегмента.

Тот малыш, номер 72, принес букет белых роз. Цветы уже вянут. Поникшие лепестки коричневеют по краям. Мальчик вытягивает вперед руку. Глядит на ладонь, исписанную синей шариковой ручкой. Тихонько бормочет:

– Мне от тебя ничего не нужно, но я всегда тебя любил...

Красиво завернутые коробочки в руках у других чуваков распушаются бантиками и ленточками. Крошечные коробочки, которые легко помещаются на ладони.

Ветераны в атласных халатах – в чемпионских боксерских халатах, подвязанных кушаками, – ждут, когда их позовут. Профессиональные плунжеры, у которых стоит всегда. Половина из них даже ухаживали за Касси и звали замуж – чтобы стать четой Лант¹, Дизи и Люси² от порно.

В этой комнате нет ни единого профи, который бы не любил Касси Райт и не хотел бы помочь ей войти в историю.

Для остальных чуваков, никогда не совавших свой член никуда, кроме собственных кулаков, за просмотром порнухи с участием Касси Райт – для них это как проявление супружеской верности. Торжественное бракосочетание. Эти ребята, сжимающие в руках свои маленькие подарки – сегодня у них как будто медовый месяц. Консумация брака.

Сегодня – ее последнее представление. Противоположность первому рейсу. Для каждого, кто придет после пятидесятого чувака, Касси Райт – там, наверху – будет не более чем воронкой от реактивного снаряда, щедро смазанной вазелином. Плоть и кровь, только как будто взорвавшаяся изнутри.

Глядя на нас, даже не скажешь, что мы творим историю. Абсолютный рекорд, после которого не будет уже никаких рекордов.

Девочка-ассистентка кричит:

– Джентльмены. – Эта девочка, Шейла, она поправляет очки на носу и объявляет: – Когда вас позовут, вы должны быть готовы к съемке.

Она имеет в виду, что член должен стоять, как штык.

Самое близкое сравнение для сегодняшних ощущений: когда подтираешься не в том направлении. Сидишь на толчке. Отрываешь бумажку и, не задумываясь, трешь от задницы к яйцам, размазывая говно по морщинистой волосатой мошонке. Причем чем активнее стараешься его очистить, тем сильнее тянется кожа и тем больше говна прилипает к волосам. В результате оно расплзается тонким слоем по яйцам и бедрам. Так вот, ощущения примерно такие же. Когда у тебя есть какая-то страшная тайна, о которой нельзя рассказать никому.

Шестьсот мужиков. Одна порнодива. Мировой рекорд на века. Фильм, обязательный для коллекции каждого уважающего себя ценителя эротики.

У кого-то из нас все готово к тому, чтобы сделать из этого фильма снафф.

¹ Супруги Лант – Альфред Лант и его жена Линн Фонтан, знаменитые американские театральные актеры, на протяжении многих лет выступавшие вместе на сцене. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Люси и Дизи – Люсилль Болл и Дизи Арназ – исполнители главных ролей в американском комедийном телесериале «Я люблю Люси» (1951—1957).

2. Мистер 72

Все-таки дурацкая была мысль – притащить розы. Не знаю. Как только заходишь, тебе сразу вручают бумажный пакет. На пакете написан номер – от одного до 600. Тебе говорят: «Раздевайся, малыш, а одежду клади сюда». Выдают деревянную прищепку с тем же номером, выведенным черной ручкой. Говорят: «Прицепи эту штуку к трусам. Только не потеряй, а то не получишь назад свои вещи». На груди у помощницы режиссера болтается секундомер. Прямо над сердцем. Там, где оно предположительно есть.

К стене над столом, у которого все раздеваются, прилеплено скотчем объявление, написанное от руки той же черной ручкой. В нем говорится, что за оставленные ценные вещи киносемочная компания ответственности не несет.

Еще одно объявление: «Никаких масок!»

Парни укладывают свои вещи в пакеты. Туфли с запиханными внутрь носками. Туго скрученный пояс – в одну из туфель. Сверху – брюки, сложенные таким образом, чтобы стрелки соприкасались друг с другом. Парни складывают рубашки, расстелив их на груди и придерживая подбородком. Рукав на рукав, полы к воротнику – чтобы меньше помялось. Майки сложены. Галстуки свернуты в трубочку и убраны в карманы пиджаков. Это у тех, кто одет хорошо.

Другие парни просто стягивают с себя джинсы или спортивные штаны. Выворачивая наизнанку. Сминая их как попало. Футболки и трикотажные рубашки. Мокрые майки. Они пихают все это в пакеты, а сверху бросают вонючие кеды.

Когда ты разделся, девочка с секундомером забирает пакет с одеждой и ставит на пол у бетонной стены.

Все стоят почти голые, в одних трусах. Вертят в руках кошельки и ключи от машин, сотовые телефоны и прочие ценные вещи.

И я со своими унылыми подвядшими розами. Нет, все-таки это была идиотская затея.

Я раздеваюсь, расстегиваю рубашку, и девочка с секундомером, которая выдает всем пакеты, тычет пальцем мне в грудь:

– Собираешься с этим на съемку?

Она держит пакет с номером «72». К одной из ручек пакета прицеплена прищепка. Мой номер. Девочка с секундомером тычет пальцем мне в грудь и говорит:

– Вот с этим.

Я смотрю вниз, прижав подбородок к груди. Смотрю, пока шея не начинает болеть, но вижу только свой крестик с распятием на золотой цепочке.

А в чем, спрашиваю, проблема? Ну, крестик.

Девочка отцепляет прищепку, тянет руку вперед. С явным намерением прищемить мне сосок. Но я отступаю на шаг назад. Она говорит:

– Мы не первый год в бизнесе.

Она говорит:

– Вас, христианских фундаменталистов, мы видим насквозь.

Если судить по ее лицу, она еще школьница, моя ровесница.

Девочка с секундомером рассказывает про актрису по имени Кэнди Эплз, Карамельные яблочки. Когда эта Кэнди пыталась установить рекорд в 721 половой акт, на самом деле в том фильме снималось всего пятьдесят мужиков, постоянно сменявших друг друга. Это было в 1996 году, и Кэнди остановило лишь то, что в студию ворвалась полиция и прикрыла всю лавочку.

Она говорит:

– Подлинный факт.

Когда Анабель Чонг установила свой давний рекорд, говорит девочка с секундомером, гэнг-бэнг из 251 полового акта, тогда на пробы пришло больше восьмидесяти мужиков, но у 66 процентов из них либо не встало вообще, либо встало недостаточно крепко, чтобы их взяли на съемки.

В том же 1996 году Жасмин Сент-Клер побила рекорд Чонг, совершив триста сношений за один съёмочный день. Спантаниз Экстази установила новый рекорд в 551 половой акт. В 2000 году актриса по имени Сабрина Джонсон устроила секс-марафон на две тысячи мужиков, которые затрахали ее до того, что под конец ей пришлось держать между ног грелку со льдом, пока она ублажала оставшихся исполнителей ртом. Когда гонорар был истрачен, и чеки Джонсон перестали принимать к оплате, она обнародовала сенсационное разоблачение: ее рекорд был фальшивкой. Она совершила максимум пятьсот актов, и вместо заявленных двух тысяч, желающих поучаствовать в съемках, набралось всего тридцать девять.

Девочка с секундомером тычет пальцем в мой крестик и говорит:

– Только не вздумай спасать тут заблудшие души.

Парень рядом со мной, он снимает черную футболку. Его голова, руки и грудь покрыты ровным сплошным загаром. В пробитом соске – золотое колечко. Волосы на груди аккуратно приглажены и пострижены до одинаковой длины. Волосок к волоску. Он говорит мне:

– Слушай, дружище...

Он говорит:

– Не спасай ее душу, пока не пройдет моя очередь, хорошо?

Он подмигивает с такой силой, что половина лица собирается морщинами вокруг глаза.

От взмаха ресниц поднимается ветер.

Если смотреть на него вблизи, у него на щеках и на лбу размазаны розовые румяна. Порошковые тени для век трех оттенков коричневого собираются в мелкие складочки вокруг глаз. Он держит под мышкой какой-то белый матерчатый сверток, прижимая его локтем к загорелым ребрам.

С той стороны стола девочка с секундомером вертит головой, глядя по сторонам. Запускает руку в передний карман джинсов и спрашивает меня:

– Эй, проповедник, не хочешь приобрести страховку?

Она выуживает из кармана маленький аптечный пузырек. Встряхивает его, и внутри гремят голубые таблетки.

– Десять баксов штука, – говорит девочка с секундомером и снова встряхивает пузырек. – Ну, чтобы подстраховаться и не попасть в число тех шестидесяти шести процентов.

Этот покрашенный парень... Девочка с секундомером вручает ему пакет с номером «137».

– Не хотите убрать в пакет вашего тряпичного зверя?

Она кивает на сверток у парня под мышкой.

Номер 137 вынимает сверток из-под мышки и говорит:

– Мистер Тото – это не просто тряпичный зверь...

Он говорит:

– Мистер Тото – охотничий пес для автографов.

Он целует тряпичного пса и говорит:

– Вы не поверите, какой он древний.

Игрушечный зверь сшит из белой холщовой ткани: длинное туловище наподобие толстой сардельки и четыре короткие лапы, торчащие в стороны. Сверху прикреплена голова с черными пуговицами-глазами и большими свисающими ушами. По белому холсту расползаются надписи – синими, черными и красными чернилами. Витиеватыми завитушками. Печатными буквами. Под некоторыми проставлены даты. День, месяц и год. В том месте, где парень поцеловал пса, осталось пятно красной помады.

Он держит тряпичную псину, как держат младенцев – на сгибе локтя. Другой рукой он указывает на надписи. Автографы. Имена. Он нам показывает: Кэрол Чаннинг. Бетт Мидлер. Дебби Рейнолдс. Кэрол Бейкер. Тина Тернер.

Он говорит:

– Мистеру Тото уже столько лет, сколько, надеюсь, никто не даст *мне*.

По-прежнему сжимая в руке пузырек с таблетками, девочка с секундомером спрашивает:

– Хотите, чтобы мисс Райт надписала вам этого пса?

Касси Райт, сообщает нам парень, его любимая порнозвезда. Непревзойденная, на все времена. Ей просто нет равных по уровню мастерства.

Номер 137, он рассказывает о том, как в течение полугода Касси Райт буквально не отходила от какого-то там эндокринолога, изучала его манеру общения и язык тела, пыталась вникнуть в особенности профессии – готовилась к роли врача в большой порно-саге «Скорая помощь: во все отверстия и прободения». Прежде чем приступить к съемкам в мега-эпосе «Титаник: во все отверстия и пробоины», Касси Райт потратила шесть месяцев на сбор материалов: изучила архивы, списалась с уцелевшими пассажирами. В единственной реплике Касси, когда она говорит: «Сегодня не только корабль пойдет ко дну...», – ее западноирландский акцент бьет прямо в точку, так что ты очень живо себе представляешь, каким безудержно пылким должен был быть этот дармовой секс, доступный для всех пассажиров третьего класса в последние мгновения самого трагичного кораблекрушения за всю историю человечества.

– В «Скорой помощи», – говорит этот парень, – в лесбийской сцене с двумя лаборантками, сразу видно, что Касси Райт – единственная актриса, которая знает, как правильно обращаться с вагинальным расширителем.

Критики, говорит номер 137, вполне оправданно восторгались ее трактовкой образа Мэри Тодд Линкольн в эпопее на тему Гражданской войны «Театр Форда: во все дыры и пулевые отверстия». Потом этот фильм выходил под названием «Приватная ложа». А потом – под названием «Президентская ложа». Номер 137 говорит нам, что Касси Райт провела очень серьезную подготовительную работу, и эпизод с двойным проникновением, когда Джон Уилкс Бут и Честный Эйб Линкольн долбаются в Касси одновременно – это подлинная американская история, ожившая на экране.

По-прежнему баюкая на руках своего тряпичного пса, прижимая его глаза-пуговики к золотому колечку в соске, он говорит, этот парень:

– Так сколько там стоят твои таблетки?

– Десять баксов, – отвечает девочка с секундомером.

– Нет, – говорит парень. Пихает собаку обратно под мышку и лезет в задний карман штанов. Вынимает бумажник, достает двадцать, сорок, сто долларов и говорит: – Сколько за весь пузырек?

Девочка с секундомером говорит:

– Подойдите поближе – я напишу номер у вас на руке.

И парень под номером 137, он опять мне подмигивает. В окружении всей этой коричневой пудры его большой глаз кажется еще больше. Он мне подмигивает и говорит:

– Ты принес розы.

Он говорит:

– Как мило.

3. Мистер 137

Знаете, как это бывает, когда приходишь в «качалку» и выполняешь, к примеру, жим лежа с шестью блинами, и все идет просто отлично: ты, как заведенный, жмешь штангу, чередуя тяги на низком блоке с тягами вниз на высоком блоке с широким хватом – подход за подходом, как нечего делать, успевай только накручивать диски, – а потом завод резко кончается. И все, ты выдохся. Спекся. Каждый жим, каждое сгибание рук превращается в натужное усилие. Вместо того чтобы получать удовольствие от процесса, ты считаешь, сколько еще повторений осталось. Задыхаешься и обливаешься потом.

И дело не в резком падении уровня сахара в крови. Дело в том, что какой-то придурок за администраторской стойкой взял и вырубил музыку. И знаете что? Может быть, ты ее и не *слушал*, но когда музыка умолкает, тренировка становится обычной работой.

Тут же самую безысходность, тот же полный упадок сил ты ощущаешь, когда выключается музыка, часа в три ночи, под закрытие «Штыря» или «Орла», и ты остаешься совсем один, так никем и неоттраханный.

Точно такой же облом ждет тебя и на съемках кино: никакой фоновой музыки. Никакой музыки для настроения. Там, наверху, в этой комнате с Касси Райт, тебе не поставят даже самого простенького порно-джаза на электрогитаре с эффектом вау-вау. Нет, только после того, как фильм будет смонтирован, как озвучат все реплики, вот тогда и наложат музыку – для полноты картины.

И знаете что? Притащить с собой мистера Тото – это была неудачная мысль.

А вот сожрать весь пузырек виагры... может быть, это меня и спасет.

На другом конце комнаты настоящий, живой Бранч Бакарди беседует с мистером 72, с тем самым парнишкой с букетом увядших роз. Эти двое могли бы быть снимками «До» и «После» одного и того же актера. Бакарди – в атласных боксерах ярко-красного цвета – разговаривает с парнишкой и при этом задумчиво водит рукой по груди, растирает ее медленными кругами. В другой руке – одноразовый бритвенный станок. Когда рука, трущая грудь, замирает, рука с бритвой тянется к этому месту и соскабливает невидимую щетину. Бритва чиркает по коже – короткими быстрыми взмахами, как орудуют тяпкой, когда выпалывают сорняки. Бранч Бакарди продолжает беседовать, не глядя на руку, которая медленно перемещается по груди, щупает, ищет, а потом туго натягивает загорелую кожу, и рука с бритвой скребет, брея во всех направлениях.

Вот он, здесь: Бранч Бакарди, звезда таких культовых фильмов, как «Ввод да Винчи», «Иметь пересмешника», «Почтальон всегда заправляет дважды» и самого первого порно-музикла «Читти Читти Гэнг-Бэнг».

Даже сейчас, в помещении, все мастодонты «кино для взрослых» – Бранч Бакарди, Корд Куэрво, Бимер Бушмилс – не снимают темные очки. Они поправляют прически, приглаживают волосы. Все эти люди – из поколения настоящих сценических актеров; все учились актерскому мастерству в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе или в Нью-Йоркском университете, но им нужно было платить за аренду жилья и в перерывах между серьезными ролями. Для них сняться в порно – это была просто шалость. Радикальный политический жест. Главная мужская роль в «Сумеречной жопе» или «Истории двух буферов» – это хорошая шутка, которую потом можно будет включить в резюме. А когда они станут известными «кассовыми» актерами большого кино, эти ранние работы превратятся в веселые байки для рассказов на ночных ток-шоу.

Такие актеры, как Бранч Бакарди или Пост Кампари, они лишь пожмут загорелыми бритыми плечами и скажут:

– Да ладно, даже Слай Сталлоне снимался в порно, чтобы оплачивать счета...

Прежде чем стать архитектором с мировым именем, Рем Колхас снимался в порно.

На другом конце комнаты – девушка с секундомером, висящим на черном шнурке на шее. Она подходит к Бакарди и пишет номер «600» у него на руке. Жирным черным маркером. Шестерка сверху, под ней – один ноль, а под ним – второй ноль, как нумеруют спортсменов-триатлонистов. Несмываемыми чернилами. Даже пока ассистентка выводит цифры у него на руках, на одном бицепсе и на другом, Бакарди ни на секунду не прерывает беседу с мальчиком, у которого розы. Пальцы ощупывают брюшной пресс в поисках невидимой щетины. Пластмассовая бритва ждет поблизости – наготове.

Те, кто не ест картофельные чипсы, выскребают себя одноразовыми станками. Давят прыщи. Выжимают из тубиков какую-то липкую массу, растирают ее в руках и размазывают по лицу, по бедрам, по шее, по стопам, покрывая себя коричневым. Бронзером. Автозагаром. Их ладони – в коричневых пятнах. Кожа вокруг ногтей – темно-бурая, как будто в корке запекшейся грязи. Скрючившись в три погибели, эти актеры роются в спортивных сумках. Ищут тубики с гелем и с бронзером, вынимают пластмассовые бритвенные станки и складные карманные зеркальца. Отжимаются от пола. По их белым трусам растекаются коричневые дорожки. Заходишь в единственный на шестьсот человек сортир – один толчок, раковина и зеркало – и видишь картину: от многочисленных задниц белое сиденье унитаза сплошь заляпано коричневым. Вся раковина – в пятнах от испачканных бронзером рук. Белый дверной проем подернут налетом коричневых отпечатков ладоней и пальцев, оставленных спотыкающимися мастодонтами порно, слепыми за стеклами темных очков.

Сразу же представляется Касси Райт: там, на съемочной площадке, на огромной продавленной кровати, застеленной белыми атласными простынями, к этому времени – несвежими, захватанными и испачканными. С каждым новым актером они темнеют все больше и больше. Грязное порно.

Я принимаю таблетку.

Проходя мимо, девочка-ассистентка приостанавливается рядом со мной и говорит:

– Точно ослепнет. Только, чур, к нам потом никаких претензий.

– Что? – переспрашиваю.

– Силденафил, – говорит девочка-ассистентка и легонько стучит меня маркером по руке, в которой зажат пузырек с голубыми таблетками. – Вызывает естественную эрекцию, однако в случае передозировки может случиться неартеритная ишемическая оптическая невропатия.

Она идет дальше, а я глотаю еще одну голубую таблетку.

Обращаясь к мальчику с розами, Бранч Бакарди говорит:

– Участников вызывают не по порядку. – Сложив ладонь чашечкой, он приподнимает провисающую, дряблую грудную мышцу и скребет под ней бритвой.

Он говорит:

– Официально это объясняют тем, что у них всего три гестаповских костюма трех разных размеров: маленький, средний и большой. И они вызывают парней, так чтобы они подошли под эти размеры. – По-прежнему бреясь, он поднимает глаза и смотрит на телеэкран, установленный под потолком. На экране идет порнофильм.

Он говорит:

– Когда подойдет твоя очередь, не жди, что костюм будет сухим, не говоря уже о том, чтобы чистым...

По всему периметру комнаты, под потолком, установлены телеэкраны. На каждом экране – свой фильм. Жесткое порно. На одном крутят «Волшебника страны Анус». На втором – классику порно «Гроздь порева». Величайшие хиты с Касси Райт в главной роли. Снятые лет двадцать назад. На экране, куда глядит Бранч Бакарди, – он сам, только на поколение моложе, шпарит Касси Райт раком в «Шлюха идет на войну: Первая мировая. В глу-

боких окопах». Этот экранный Бакарди, у него не провисают грудные мышцы. Его руки – не красные от раздражения после бритья и не покрыты штриховкой вросших волос. Руки сжимают бока Касси Райт, кончики пальцев чуть ли не соприкасаются на тонкой талии. Кутикулы не очерчены темными остатками старого автозагара.

Живой Бранч Бакарди – его ищущая рука и рука с бритвой враз замирают. Он глядит на экран. Рукой, которая с бритвой, снимает темные очки. Он застыл, словно в оцепенении; движутся только глаза, взгляд мечется туда-сюда. С экрана – на лицо мальчика, и вновь – на экран. Под глазами Бакарди – набрякшие мешки. Сморщенные складки багровой кожи. На носу, под загаром – багровые вены. Точно такие же багровые вены оплетают его икроножные мышцы.

Молодой Бранч Бакарди, который сейчас вынимает свой поршень и выстреливает струей спермы прямо на эти мокрые розовые половые губы, он – просто вылитый мальчик с увядшими розами. Мальчик, которого девочка-ассистентка обозначила номером 72.

Номер 72 стоит, баюкая на руках свои розы, спиной к экрану. Стоит и не видит. Он, этот мальчик, наблюдает за действием на экране за спиной у Бакарди. Там крутят «Шлюха идет на войну: Вторая мировая. Случка на острове», где Касси Райт самозабвенно отсасывает у молоденького Хирохито, с перебивками на кадры с «Энолой Гей», приближающейся к Хиросиме со своим смертоносным грузом.

Как раз после того, как «Вторая мировая» была удостоена премии «Adult Video News» за лучшую сцену мальчик-девочка-девочка, где Касси Райт на пару с Клепальщицей Розы минетит Уинстона Черчилля, в том же году Касси взяла длительный отпуск. И целый год не снималась вообще.

После этого она вернулась к своему обычному графику: два проекта в месяц. Снялась в порноэпопее «Моби Дик: Белый дрын». Получила еще одну премию «AVN» за лучшую анальную сцену в фильме «Сунь в летнюю ночь», который имел потрясающий успех – в первый год после выхода в свет было продано более миллиона экземпляров. После тридцати Касси забросила съемки и выпустила собственный бренд шампуня под названием «Тридцать три удовольствия» – с ароматом сирени, в длинных флаконах, недвусмысленно и нарочито изогнутых на сторону. Магазины как-то не рвались закупать партии кривобоких флаконов, неудобных в складировании, и никто не спешил делать заказы через Интернет, пока Касси не договорилась о том, чтобы ее продукт «промелькнул» сразу в двух фильмах. Во «Много шума из дрочевы» актриса Казино Курвуазье ублажала себя посредством флакона с шампунем, демонстрируя, как эта длинная изогнутая емкость бьется о шейку матки, так что каждый толчок завершается неизбежным вагинальным оргазмом. Актриса Джина Гальяно проделала то же самое в «Двенадцатой дрочи», после чего все складские запасы «Тридцати трех удовольствий» в розничных магазинах были распроданы вмиг.

Но знаете что? В «Wal-Mart» были не очень довольны, что их вынудили продавать секс-игрушки в одном отделе с зубной пастой и присыпкой для ног. Это вызвало отрицательную реакцию. А потом и бойкот.

После той эпопеи с шампунем Касси Райт попыталась вернуться в кино, но здесь, на экранах под потолком, эти фильмы не крутят. Фильмы с «девочками-пони» для японского рынка – когда женщины носят уздечки и седла и исполняют элементы выездки для мужика, щелкающего кнутом. Или фильмы для фетишистов типа «Похабного лакомства», снятые в жанре «сплэш», когда красивых женщин раздевают догола, забрасывают тортами с кремом, обмазывают взбитыми сливками и клубничными муссами и поливают медом и шоколадным сиропом. Нет, здесь никто не желает смотреть ее последние киноработы и особенно «Леси, кончай!».

Среди людей, осведомленных о положении дел в современной порноиндустрии, ходят слухи, что фильм, который мы снимаем сегодня, выйдет в свет под названием «Шлюха идет на войну: Третья мировая. Последнее выступление».

В «Первой мировой шлюхе» сцена сношения раком сменяется эпизодом освобождения французского женского монастыря в Эльзасе тремя солдатами армии США. Когда начинается новая сцена, Бакарди вновь надевает темные очки. Без облачения и платка, у одной из монахинь заметны белые полосы от купальника. У всех монахинь выбриты лобки. Пальцы Бакарди растирают кожу вокруг соска, бритва начинает скрести.

Девочка-ассистентка с секундомером на шее и черным маркером в руке, проходя мимо меня, говорит:

– Эти таблетки – по сто миллиграммов, так что следите, не появятся ли у вас следующие симптомы: головокружение... – Она говорит, загибая пальцы: – ...тошнота, опухание ног и особенно стоп и лодыжек...

Я принимаю еще таблетку.

На другом конце комнаты Бранч Бакарди слегка наклоняется вперед и заводит обе руки за спину. Одной рукой он оттягивает эластичную резинку своих красных боксеров. Другой рукой сует бритву внутрь и принимается брить ягодицы.

Девушка-ассистентка проходит дальше, продолжая считать на пальцах:

– ...учащенное сердцебиение, аритмия, заложенность носа, головная боль, понос...

В тот год, когда Касси Райт вдруг прекратила сниматься и взяла продолжительный отпуск на целый год в самом расцвете своей карьеры, среди осведомленных людей ходили слухи, что она родила ребенка. Она залетела случайно, прямо на съемках, когда Бенито Муссолини не успел вовремя вынуть и спустил прямо в нее. Ходили слухи, что она родила ребенка и отдала его на усыновление.

И знаете что? Муссолини играл Бранч Бакарди.

Я принимаю еще таблетку.

4. Шейла

Пот собирается в капли.

Пот набухает бледными волдырями внутри латексных перчаток, надетых в два слоя. Известная хитрость. Мера предосторожности, позаимствованная из гейского порно: под обычный розовый презерватив надевают еще один, голубой, так что если в процессе анального секса член становится голубым, уже сразу понятно, что внешняя резинка порвалась. Двойная защита. Подлинный факт. В розовых перчатках поверх голубых – пальцы преют, пульсируют с каждым ударом сердца; пот собирается пузырями, пузыри перекатываются под латексной кожей, сливаясь с другими волдырями пота, сплавляясь друг с другом. Увеличиваясь в размерах. Скопившийся пот набухает жировыми комками на ладонях. Струйки пота текут по костяшкам, внутри латексных слоев, кончики пальцев надуваются воздушными шариками, мягкие и распухшие. Онемевшие. Потерявшие чувствительность.

Я не чувствую ничего. Только свой собственный пульс и пот, проникающий под кожу.

Латекс испачкан коричневым автозагаром. Испачкан оранжевым от картофельных чипсов и белым – от сахарной пудры или кокаина. Измазан красным – от денег, заляпанных соусом барбекю или кровью.

Я чувствую, как перекатываются водяные волдыри – когда мои пальцы обхватывают шариковую ручку или сжимают долларовую бумажку, волдыри устремляются к краю перчаток, к запястью, и вскрываются на руке, отчего руке мокро и горячо. Пот остывает и капает с локтя уже холодный.

Какой-то дровича держит пятидесятидолларовую банкноту. Держит обеими руками, растянув ее в стороны. Его руки дергают банкноту, отчего она туго натягивается и издает тихий хлопок. Раз, другой, третий. Он, этот дровича, стоит так близко, что мокрая головка его полового члена упирается мне в бедро. Нежный, как поцелуй. Крошечный стенобитный таран.

Еще пара хлопков, и я оборачиваюсь к нему. Делаю шаг назад. Опускаю глаза и смотрю на блестящую жилку секретий, протянувшуюся между моей ногой в джинсах и головкой его члена.

Дровича кладет свой полтинник мне на планшет и говорит:

– Слушай, малышка. У меня всего час на обеденный перерыв.

Он говорит:

– Босс меня точно убьет...

Я пожимаю плечами. Вытираю влажные локти о пятна пота внизу на футболке.

Ключевое понятие наших дней – свобода воли.

Вы же не станете отрицать, что у каждого взрослого человека есть право на собственный выбор?

Эти задроты. Эти унылые онанисты. Достаточно только на них посмотреть – и даже не нужно уметь читать мысли. Взять, например, этого мальчика с охалкой роз. Сразу видно, что он представляет себя таким Прекрасным принцем из сказки. Примчался на белом коне, чтобы спасти Касси Райт от ее трагической жизни, выбранной неправильно и неудачно. Он ее моложе в два раза. Думает, один поцелуй – и спящая красавица сразу проснется и разрыдается от благодарности.

Вот за такими страдальцами надо следить в оба глаза.

По протоколу гэнг-бэнга, еще с тех времен, как Анабель Чонг установила тот первый рекорд, мужчины-участники съемок ждут своей очереди, раздевшись практически догола. Мисс Чонг ужасно боялась маньяков с пистолетами или ножами. Боялась, что какой-нибудь психопатический святоша, получающий приказы напрямую от Господа Бога, убьет ее прямо

перед камерой. Подлинный факт. И поэтому всем шестистам рукоблудам приходится ждать своей очереди чуть ли не с голыми задницами.

Еще одно ключевое понятие наших дней – свобода торговли.

Вы же не станете отрицать, что у каждого есть право по мере возможностей делать деньги и использовать личную власть?

Вы же не станете ограничивать человека в его стремлениях, чтобы уберечь от потенциального несчастья? А как же профессиональные автогонщики? Или участники родео, объезжающие быков?

Эти дрыщи-рукодельники. Никто из них не удосужился прочитать и двух строк по теории феминизма, за исключением давно устаревшего бреда Андреи Дворкин. Никакой позитивной самооценки полов. Ничего, кроме цитаты из Наоми Вулф. *Я оргазмирую, следовательно, существую...* Нет, для них женщина – либо шлюха, которую надо трахать, либо заколдованная принцесса, которую надо спасти. Всегда – некий пассивный объект, предназначенный для достижения мужских целей.

Эти любители ручной стирки. Один машет мне, поднимает два пальца – средний и указательный, – и резко сгибает их по направлению к себе, как будто тут ресторан, и он подзывает официанта. Смотрю ему прямо в глаза. Подхожу. Этот страдалец приподнимает другую руку, разжимает кулак и демонстрирует сложенную в несколько раз пятидесятидолларовую банкноту. Деньги, мятые и лоснящиеся от масла, которым полит попкорн. Влажные от лимонада из банки. С жирным пятном красной помады на одном из краев. Страдалец кладет свой полтинник мне на планшет и говорит:

– Проверь свой список, красавица. Думаю, сейчас как раз моя очередь...

Откровенная взятка.

Официально считается, что у нас есть генератор случайных чисел. Чье число выпадает, того мы и зовем на съемочную площадку.

Достаю из заднего кармана флуоресцентную ручку. Провожу линию по банкноте – проверяю, фальшивая или нет. Поднимаю полтинник, смотрю на свет от экрана – есть ли магнитная металлическая полоса. Там, за развернутой банкнотой, задница мисс Райт извивается на экране.

Запикиваю полтинник под зажим на планшете, под верхний лист с именами. Записываю номер страдальца. Задрот 573. Под этим верхним листом – толстая стопка выровненных и разглаженных полтинников и двадцаток. Пара сотен. Нехилая пачка наличности.

Я считаю, мисс Чонг в совершенстве владела искусством «управления толпой». Это была ее идея: запускать мужиков на съемочную площадку группами по пять человек. Из каждой пятерки ее трахал тот, у кого первого встало. Каждая группа проводила на съемочной площадке по десять минут, и кто сумел, тот и кончил. И хотя у некоторых не вставало вообще, и они даже не прикасались к мисс Чонг, все равно вся пятерка шла в общий счет, в эти самые 251.

Это был гениальный ход: превратить съемку в соревнование. В гонку эрекции. Плюс к тому, по данным исследований, если нескольких самцов поместить в непосредственной близости друг от друга перед половым актом, у них повышается количество семенной жидкости. Эти исследования проводились на животноводческих фермах, где быков подпускают к готовой к оплодотворению корове не поодиночке, а группами. В результате чего у быков повышается количество жизнеспособных сперматозоидов, и производительность семени значительно возрастает. Из-за более сильного сокращения мышц таза, высота и дальность струи при выбросе семенной жидкости достигают своей максимальной величины.

Наука, стоящая за всяким хорошим кадром с фонтанирующей спермой.

Увеличение аффинности и поверхностного натяжения. Повышение вязкости. Физика хорошего кадра с выбросом спермы на лицо партнерши.

Биологический императив, только лучше. Приемы для порно на базе методов современного животноводства. Профессиональные тайны, способные уничтожить романтику любого хорошего гэнг-бэнга.

Подлинный факт.

Если вы собираете коллекцию неудачников, извращенцев на почве интимной близости, несостоятельных особей, патологически зажатых и неспособных «раскрыться» из-за боязни отказа – если вам нужно набрать образцов для изучения этих бентофагов, – просто дайте объявление в пару газет, что для съемок гэнг-бэнга требуются мужчины, и вам обеспечен богатый улов.

По утверждению британского антрополога Катрин Блэкледж, человек начинает мастурбировать за месяц до рождения, еще будучи плодом в материнской утробе. Начиная с тридцать второй недели, эта пульсация, эти резкие подергивания внутри матки – это он не пинается ножками, ваш малыш. Мелкий негодник тягает свою пиписку, весь последний триместр, без остановки.

Эта команда задротов, эта артель ручников – это они убили Sony Betamax. Определили победу формата VHS над Beta. Провели к себе домой дорогой Интернет первого поколения. Позволили осуществиться «всемирной паутине». Это их одинокие деньги оплатили создание серверов. Их онлайн-закупки порнопродукции породили целую технологию интернет-торговли и подготовили почву для появления eBay и Amazon.

Эти одинокие рукоблуды, голосуя своими болтами, они решили исход войны видеоформатов – HD против Blu-ray – за доминирующий стандарт высококачественного видео.

«Ранние последователи» – так называют эту категорию потребителей новейших электронных технологий. Ранние последователи, с их патологическим одиночеством. С их неспособностью устанавливать эмоциональные связи.

Подлинный факт.

Эти задроты, эти унылые онанисты – они ведут за собой всех нас. На что у них встанет – именно это и определяет, какие подарки захотят получить на следующее Рождество наши дети.

На другом конце комнаты – еще один неудачник пытается привлечь мое внимание. Рука поднята над головой. В руке – сложенный полтинник, зажатый двумя пальцами.

Если вам хочется поговорить о феминизме третьей волны, можно вспомнить Ариэль Леви и идею о том, что женщины приняли мужской шовинизм по отношению к самим себе. Поехать в отпуск в Форт-Лодердейл, напиться в хлам и сверкать голыми сиськами – это не акция в поддержку расширения прав и возможностей женщин. Это ты, ты сама, сформированная и зомбированная стереотипами патриархального общества. С мозгами, промытыми настолько, что ты уже не понимаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

Заколдованная принцесса, такая тупая, что она даже не понимает, как у нее все запущено.

Можно вспомнить Анабель Чонг – настоящее имя Грейс Куэк, – которая перетрахалась с 251 мужиком в том своем первом мировом рекорде, потому что хотела, чтобы и женщина тоже хоть раз побыла «жеребцом». Потому ей нравился секс, и ее откровенно тошнило от феминистских теорий, представляющих женщин, которые снимаются в порно, либо круглыми дурами, либо несчастными жертвами. В начале 1970-х Линда Лавлейс снялась в «Глубокой глотке», исходя из тех же философских посылов.

И последнее ключевое понятие наших дней – личностный рост.

Вы же не станете отрицать, что у каждого есть право испытывать себя, рисковать и стремиться раскрыть свой истинный потенциал? Чем гэнг-бэнг отличается от восхождения на Эверест? Или вы не согласны с мыслью, что секс – это действенный метод эмоциональной терапии?

О том, что Линду Лавлейс держали взаперти, истязали и заставляли сниматься насильно, стало известно совсем недавно. И о том, что когда Грейс Куэк жила в Лондоне – до того, как она стала порнозвездой, – ее изнасиловали четверо мужиков и один двенадцатилетний мальчишка.

Ранние последователи любят Анабель Чонг. Обиженные любят обиженных.

Подлинный факт.

Считаю деньги в пачке под списком имен, кончики пальцев в латексе становятся черными от соприкосновения с банкнотами. Подходит еще один сирий страдалец. Встает так близко, что едва не касается меня своим членом. Спрашивает про футболки. Где тут можно купить футболки? Я иду дальше, а он идет рядом, не отстает ни на шаг.

Я говорю ему:

– Тридцать баксов, наличными.

У него будет возможность купить футболку на выходе из здания. Сувенирные кепки, по двадцать долларов за штуку. Заказ копии фильма с автографом – полторы сотни баксов.

Мисс Райт уже написала обложки и вкладыши в коробки. Заранее, на всякий случай. А то вдруг Господь Бог повелит дроздофилу под номером 573 задушить ее прямо на съёмочной площадке. Или тот же Господь пошлет ей фатальный сердечный приступ. Пошлет наводнение или цунами.

И еще одно, самое последнее ключевое понятие наших дней – суровая реальность.

Что делать, когда разрушается вся твоя личность и все твои представления о себе? Как жить дальше, когда вдруг выясняется, что все это время ты жил неправильно?

Волдыри пота внутри перчаток – все еще розовых, значит, оба латексных слоя пока что целы. Пальцы сморщились, как чернослив. Они слишком долго пробыли во влажной среде. Кожа просоленная и старая. Защита все еще держится. Все безопасно и чисто, только пальцы вообще ничего не чувствуют – они слишком старые для остальной двадцатилетней меня.

На другом конце комнаты, в свете дюжины экранов с порно, мелькают еще два пальца. Волосатые суставы изгибаются крючком. Подзывают меня. В руке – снова деньги для взятки, сложенные так, чтобы их можно было спрятать в кулаке.

5. Мистер 600

Если без дураков, то я соврал этому малышу, номеру 72, о гестаповской форме – ну, что нас вызывают на съемочную площадку в произвольном порядке, потому что организаторы съемок взяли в прокате всего три комплекта нацистских костюмов. Малыш смотрит фильмы, которые крутят на ящиках наверху. Конкретно сейчас – фильм под названием «На золотистой блондинке». В его глазах извиваются два отражения Касси Райт, словно в двух крошечных видеомониторах. Он стоит широко раскрыв рот, и ему глубоко фиолетово все, что я говорю.

Я говорю ему:

– Только не думай, что она будет выглядеть так же классно...

Глаза этого мальчика, номера 72, они светло-карие. Точно такие же были и у меня, когда-то.

Эта девочка на экране, сосущая клитор Будлс Абсолют, когда-то она говорила, что станет единоличной владычицей всей индустрии. Прелестная, юная Касси Райт, когда она так говорила, ты сразу верил, что она сможет вылизать любого.

Но сейчас, в этой комнате, глядя на разношерстную команду членов, которых набрали на съемки, я бы сказал, что все получилось с точностью до наоборот.

Малыш, номер 72, пожирает глазами Касси и Будлс.

– Это я так пошутил, – говорю я ему и легонько пихаю локтем. Сегодня любой сможет вылизать у нее...

Чувак на другом конце комнаты, с какой-то тряпичной зверюгой под мышкой, он все время тарачится на меня. Чувак под номером 137, с золотым колечком в пробитом соске. Наверняка пидор. И явно строит мне глазки.

На самом деле, говорю я парнишке, ему надо надеяться, что его вызовут в самое ближайшее время. Создатели этого фильма не зря дали ему второе название «Последнее выступление». После сегодняшних съемок никаких новых рекордов уже не будет. То, что мы делаем здесь сегодня, это останется на века. Я сам, этот малыш, чувак под номером 137, который все время глазеет на нас – после сегодняшних съемок нам всем обеспечено место в книгах рекордов.

Малыш, номер 72 – его взгляд мечется по экрану.

Он прижимает к груди эти розы, как будто они еще не превратились в мусор.

Я говорю ему:

– Только не думай, что Касси Райт это переживет...

Нет, дело вовсе не в том, что у них всего три гестаповских костюма. Девочка-ассистент вызывает номер 45, номер 289 и номер 6. Беспорядочная подборка – полностью от балды. Но на то есть причины. Это нужно, чтобы скрыть жесткую правду: камеры будут работать даже после того, как Касси Райт упадет в кому. Эти парни, которые ждут своей очереди, они сделают свое дело, уверенные, что она просто спит. Ни одно человеческое тело не выдержит долбежа шестисот елдаков.

Я сейчас говорю о произвольном выбросе воздуха из влагалища, вбитом внутрь во время сношения. Или при куннилингусе, когда случайный выдох в женщину приводит к образованию воздушного пузырька, который проникает ей в кровь. Эмболия. Закупорка сосуда. Пузырек воздуха движется по кровеносным сосудам, и как только он доберется до сердца или до мозга, это будет мгновенный уход в затемнение для Касси Райт.

Я смотрю на другой монитор, где Касси отсасывает у какого-то чувака в «Шлюха идет на войну: Первая мировая». У него пухлые красные губы, похожие на дырку в пидорской заднице. Отличные рельефные трицепсы. Ни единого волоска на мошонке. Я снимаю темные очки, и этот чувак... Это я – там, на экране.

Малыш, номер 72, продолжает смотреть «Золотистую блондинку». Чувак под номером 137 продолжает разглядывать нас.

Чуваков приглашают на съемочную площадку в произвольном порядке, чтобы потом режиссер смог смонтировать отдельные эпизоды в правильной последовательности: от первого до шестисотого. После этого Касси будет стонать и извиваться под номером 599 точно так же, как и под номером 1. А в промежутке – просто лежать, как будто она спит. Только это будет не сон, а кома. Или еще того хуже. И никто ничего не заметит. Никто из нас, недоумков, не почувствует разницы, пока не выйдет официальный пресс-релиз: «Известная порнозвезда умерла прямо на съемках, установив мировой секс-рекорд».

Да, она много тренировалась. Упражнения Кегеля с дополнительным грузом. Аэробика. Пилатес. Даже йога. С такой подготовкой она могла бы запросто переплыть Ла-Манш, но, черт возьми, в этой комнате там, наверху, отдавшись на растерзание шести сотням членов, она сама – как Ла-Манш.

– Я опять пошутил, – говорю я парнишке и пихаю его локтем.

Но вот печальная правда: никто не вызовет «скороу», пока они не отснимут все до конца.

Нет, если будет расследование, каждый из этих елдометров поклянется, что Касси была жива, когда он ее пялил. Все уйдут в глухой отказ. После этого американская общественность встанет на уши. Религиозные доброты поднимут хай в средствах массовой информации. Как и бешеные феминистки. Правительство примет меры, и ни одна пылкая крошка уже никогда не установит новый рекорд из 601 члена.

Касси будет мертва, но мы – все шесть сотен членов, собравшихся здесь, – мы войдем в историю. Для половины из нас это будет отличный трамплин: новички смогут сделать хорошую карьеру, старички обеспечат себе триумфальное возвращение. И каждый из нас сможет напялить футболку с надписью: «Я – член, который убил Касси Райт».

Касси Райт будет мертва, но все ее фильмы, все до единого, от «Анального зверинца» и «Спусти ей в глаз», сборника для любителей эпизодов с выбросом спермы на лицо партнерши, до классического «Лакомого кусочка», превратятся в чистое золото. «Забей ей в зад медленно». Коллекционные сборники, подарочные издания. Вечная Мэрилин Монро, богиня порно, приносящая себя в жертву.

Этот малыш, номер 72, он прилип взглядом к экрану.

Подходит девочка-ассистент, эта малышка по имени Шейла, пишет у меня на руках «600». Говорит:

– Смотрите не сбрейте сосок, – и кивает на бритву у меня в руке, на тройное лезвие, выскребающее тень щетины из-под пекторальной мышцы.

Я задаю ей вопрос:

– А кто этот педик?

Чувак с тряпичной игрушкой. Номер 137, который все время тарачится на меня.

Эта девочка, Шейла, перебирает листы у себя на планшете, ведет пальцем по списку имен и номеров.

– Ничего себе, – говорит. – В жизни не догадаетесь.

Шейла показывает пальцем мне на живот и говорит:

– Вы тут пропустили одно местечко.

Она имеет в виду дорожку волос между пупком и лобковой частью. Она выбрита несимметрично.

Продолжая бриться, я спрашиваю:

– Я его знаю?

Шейла говорит:

– Вы вообще смотрите телевизор?

Я стучу рукой с бритвой по номеру «600» у себя на предплечье, и говорю, что она сама знает, кто она, а кто – я, так что лучше бы она прекратила язвить и сказала мне имя того чувака. Она все понимает прекрасно, и мне не надо ей напоминать, что будет с этим проектом, если я развернусь и уйду. Если Касси Райт перетрахает шестьсот чуваков, она побьет мировой рекорд, и этот фильм станет номером первым в сезоне. Но если ее отымеют 599 парней, тогда Касси – всего лишь изрядная шлюха. И кинокомпания пролетает фанерой.

И эта язва, она мне подмигивает. Это девочка-ассистентка, она говорит:

– Вы умный. Вы сами додумаетесь...

И уходит.

Этот чувак, номер 137, он по-прежнему смотрит на меня. Держит своего тряпичного зверя. Какой-то известный чувак с телевидения, причем его явно оттуда погнали.

Мальш, номер 72, говорит:

– Эй.

Он больше не смотрит на экран. Он смотрит на меня.

– А вы, случайно... – Он слегка наклоняет голову, щурит свои светло-карие глаза. –

Вы Бранч Бакарди?

Я киваю в сторону номера 137:

– Знаешь, кто это?

Мальш, номер 72, смотрит и говорит:

– Ничего себе. Это же детектив из того сериала, ну, который шел по четвергам.

Бритва скользит по животу, ищет препятствия – сопротивление крошечных волосков, которые пока никому не видны. Я спрашиваю у парнишки: «Из какого еще сериала?»

Как зовут этого чувака?

Почему он тарашится на меня?

Но мальш вновь уставился на экран. Он говорит:

– Как вы думаете, я похож на нее? На Касси Райт. Как вы думаете, мы похожи?

Его светло-карие глаза впелись в Касси и Будлс. Он говорит, не глядя на меня:

– Я просто так спросил, нипочему.

На другом конце комнаты чувак под номером 137 стучит пальцем себе по груди. Трогает свое золотое кольцо в соске. Потом показывает на меня, опускает глаза и вновь стучит пальцем себе по груди.

Я смотрю вниз, смотрю на себя и вижу длинную темную струйку крови, вытекающую из соска.

6. Мистер 72

Парень, который ест чипсы у стола, где буфет – к нему подходит еще один парень. На спине этого второго парня стоит номер «206». Но это не надпись фломастером, это татуировка, набитая толстыми шипастыми синими цифрами: двойка – на левой лопатке, ноль – точно по центру, на позвоночном столбе, шестерка – на правой лопатке. Парень, который ест чипсы, он набивает полный рот, жует и глотает, а рука уже тянется за следующей порцией, громкий хруст чипсов похож на скрип гравия под ногами. На руке, подносящей чипсы ко рту, написан фломастером номер «206».

Парень с татуировкой слегка пригибается, сгибает колени, а потом стремительно выпрямляется и бьет первого парня в лицо. Наотмашь, тыльной стороной руки. Бьет со всей силы, вложившись в удар целиком. Раздается звонкий шлепок. Брызги слюны и картофельной крошки летят в потолок. Звон отдается эхом, глухим эхом ударного соприкосновения твердых костяшек с костями черепа – практически напрямую. Эти костяшки смягчает лишь слой волосатой кожи. Кости черепа защищены лишь пережеванным хрустящим картофелем с солью, набитым за щеку.

Парень, который ел чипсы, теперь кашляет на полу. Парень с татуировкой расправляет плечи. Рука, нанеся удар, по-прежнему поднята над головой. Он тычет пальцем себе за спину, показывает на выбитый на спине номер. Он говорит:

– Два-ноль-шесть... это мой номер.

Он наклоняется, смотрит в глаза человека, распростертого на полу, и говорит:

– Возьми себе другой номер. – По-прежнему тыча пальцем себе на спину, он говорит: –

А этот – *мой*.

У парня, который ел чипсы, идет кровь из носа. Выходит наружу толчками. Он продолжает жевать. Глотает. Вытирает губы рукой, размазывая красное по щеке. Вытирает еще раз, и теперь у него на обеих щеках – усы из размазанной крови.

Девушка с планшетом в руках и секундомером на шее, она подходит к ним, к этим двоим, и говорит:

– Джентльмены.

Она берет со стола пачку бумажных салфеток, отдает их парню с разбитым в кровь носом и говорит:

– Мы сейчас все уладим.

Парень с кровавыми усами шмыгает носом, втягивает в себя кровь, и тянется за очередной горстью картофельных чипсов. Его разбитые губы, распухшие от соли, сочатся кровью.

Девушка перебирает листы у себя на планшете. Парень под номером 137 подходит ко мне, встает рядом. Парень, который с телевидения. Со своим псом для автографов. Он говорит:

– Кого-то явно не кормили грудью...

Девушка с секундомером зачеркивает номер на руке парня, который ест чипсы. Пишет ему новый номер.

Парень с татуировкой, опускает руку. Он наблюдает за ними. Растирает костяшки пальцев о ладонь другой руки.

Я говорю:

– Этот, который с татуировкой, он из Суреньос, уличной банды из Сизтла.

Я говорю номеру 137:

– Он кого-то убил, двенадцать лет отсидел в тюрьме. Вышел в прошлом году.

Парень под номером 137 прижимает к груди своего пса для автографов и говорит:

– Ты его знаешь?

Я говорю ему:

– Взгляните на его руку.

На одной руке парня с татуировкой, в ямке между большим и указательным пальцем, еще одна татуировка: две короткие параллельные черточки с тремя точками вдоль одной линии – ацтекский знак для числа тринадцать. Ацтекская нумерология и язык науатль имеют широкое распространение среди Суреньос, гангстерских группировок Южной Калифорнии. Внизу на спине этого парня, прямо над резинкой трусов, набито число «187»: статья за убийство в Уголовном кодексе Калифорнии. Рядом с пупком выколот надгробный камень с двумя датами, между которыми – двенадцать лет разницы. Срок, который отбыл этот парень.

Номер 137 говорит:

– Ты что, гангстер?

Нет, не гангстер. Я просто знаю. Мне объяснил мой приемный отец.

Другие парни, собравшиеся в этой комнате – я показываю на их татуировки. Вон тот азиат с черными полосами вокруг бицепса, он из якудзы, японской мафии. Каждая черная полоса обозначает какое-нибудь преступление, которое он совершил. Еще один азиат с татуировкой «НСА» на спине, он тоже из мафии, из клана ниндзя-ассасинов. Парни ходят по комнате, топчутся на одном месте, ждут своей очереди – парни с маленькими крестами, набитыми на руках, на складке кожи между большим и указательным пальцем. Три дополнительные черточки сверху, расходящиеся лучами, превращают обычный крест в «крест пачуко», знак латиноамериканских банд. У других парней на том же месте наколоты три точки, образующие треугольник. Если они мексиканцы, эти три точки означают «*Mi vida loca*». «Моя безумная жизнь». Если они азиаты, точки означают «*To o can gica*». «Мне все равно».

Номер 137 говорит:

– Твой отец был мафиози?

Мой приемный отец был бухгалтером в одной корпорации, входящей в список 500 крупнейших компаний мира. Мы втроем – он, я и моя приемная мать – жили в пригороде, в доме, построенном в стиле эпохи Тюдоров, с огромным подвалом, где мой приемный отец возился со своими моделями железных дорог. Отцы соседских детей были юристами или химиками-исследователями, но они все увлекались моделями железных дорог. Каждые выходные, когда выдавалась возможность, они садились в машину и колесили по городу – проводили исследования. Фотографировали членов уличных банд. Граффити различных группировок. Проституток на панели. Мусор, грязь, бездомных наркоманов, плотно подсевших на героин. Все это они изучали, обсуждали между собой, спорили до хрипоты и старались перешеголять друг друга в создании наиболее реалистичных, наиболее подробных и жизненных сцен городского упадка, выполненных в масштабе, принятом для моделей железных дорог – у себя дома, в подвале.

Мой приемный отец брал единственный волосок от кисточки из меха норки и выводил номер «312» на спине крошечной фигурки гангстера. Превращал его в члена чикагских Vice Lords. Именно так гангстеры заявляют о своей территориальной принадлежности – делают татуировки с телефонными кодами городов. Обычно – на верхней части спины. Иногда – на груди или на животе. Парень, который ударил любителя чипсов, – у него на спине выбит код Сиэтла, территории банды Нортеньос. Так что, в общем, и неудивительно, что он такой напряженный.

Бладзы из банды «Блад» всегда перечеркивают букву «К» на своих татуировках. Так они отрицают всякую связь со своими извечными врагами из банды «Крип». Если у кого-то на татуировке перечеркнуты буквы «Б», это значит, что он из крипсов.

– Это тебе объяснил твой отец? – говорит номер 137.

Мой приемный отец. Корпящий над своей моделью железной дороги. Он никогда не обманывал мою приемную мать, но мог целыми днями мотаться по городу, фотографируя уличных проституток, а после сидеть у себя в подвале и раскрашивать крошечные фигурки, изображавшие этих самых проституток. Он никогда не употреблял запрещенные наркотики, но его миниатюрные джанки и нарки, сидящие на метедрине, – каждый был настоящим шедевром. Тонкой, не толще иголки, кисточкой мой приемный отец рисовал надписи на стенах миниатюрных заводов, заброшенных многоквартирных домов и дешевых ночлежек.

Я говорю номеру 137, что мне очень жаль, что его сериал сняли с эфира в прошлом сезоне.

Номер 137 пожимает плечами. Он говорит:

– Так ты приемный ребенок?

Я говорю ему:

– С самого рождения.

В ожидании своей очереди на Касси Райт, обрюзгший блондинистый парень с длинной бородой стоит, скрестив руки на груди. Его желтоватая борода – жесткая, словно окостеневшая – торчит во все стороны, не опускаясь под действием силы тяжести. Может, она просто грязная, я не знаю. Его бледные предплечья покрыты расплывчатыми черными буквами «А» и «Б», свастиками и трилистниками. Тюремные татуировки, набитые куском гитарной струны – чернилами из смешанной с шампунем сажи от сожженных пластиковых ложек и вилок. Арийское братство. Его большие веснушчатые локти затянута вытатуированной паутиной.

Рядом с этим арийцем – мистер Бакарди. Держится согнутым пальцем за золотую цепочку у себя на шее. На цепочке висит золотое сердечко. Медальон, который когда-то носила Касси Райт и снялась с ним в бесчисленном количестве сцен. Зажав медальон двумя пальцами, Бакарди водит его по цепочке туда-сюда.

Я говорю:

– Моя настоящая мама, она известная кинозвезда. Но я не могу сказать кто.

Я говорю, что отправил ей тонны писем, на адреса кинокомпании и дистрибьюторов, даже на адрес ее агента, но она не ответила мне ни разу.

Номер 137 смотрит на цветы у меня в руках.

Я говорю:

– Я ничего от нее не хочу. Ни денег, ни чтобы она меня полюбила. Я просто хочу с ней встретиться. Как я понимаю, мне сейчас столько же лет, сколько было ей самой, когда ей пришлось отдать меня на усыновление.

Я не знаю, может быть, ее агент – или кто там у них занимается почтой – перехватывал мои письма и отправлял их в мусорную корзину. Но у меня есть тайный план, как мне встретиться с ней. С моей настоящей мамой.

Номер 137 говорит:

– А ты знаешь своего настоящего отца?

И я пожимаю плечами.

На другом конце комнаты – чернокожий бритоголовый парень. У него на затылке красуется татуировка: флаг, развевающийся на ветру, флаг с номером «415», знак «черной» тюремной банды «Африканская нация Куми», отделившейся от «Семьи черных партизан». По крайней мере, так мне рассказывал мой приемный отец, сидя за своим рабочим столом с увеличительным стеклом в одной руке и тонкой кисточкой – в другой, когда он перекрашивал крошечные фигурки, прибывшие из Германии врачами, дворниками, полицейскими и домохозяйками. Покрывая их крапинками новой краски, он переделывал их в членов La eMe, мексиканской мафии; в Арийских воинов; в гангстеров с 18-й улицы. Если я подходил к нему и клал руку на стол, если я стоял неподвижно, мой приемный отец рисовал мне на

руке, у основания большого пальца, «WP» и «666», отличительные знаки «Белой власти». А потом говорил: «Беги скорее мыть руки».

Он говорил: «Чтобы мама не видела».

Моя приемная мать.

Но прямо сейчас, наверху, женщина за той дверью, она – нейтральная территория. Храм, к которому совершают паломничество на коленях, за тысячу миль – дабы поклониться святыне. Как в Иерусалиме или в какой-нибудь церкви. Специально для белых расистов и для бладзов, для крипсов и ниндзя – женщина, которая выходит за рамки бандитских разборок и войн за власть. За рамки расовой принадлежности, национальности и семьи. Все эти парни, что собрались здесь сегодня, они ненавидят друг друга. Может быть, где-нибудь в другом месте мы бы друг друга переубивали. Но мы все ее любим.

Нашу Священную землю. Касси Райт, нашего ангела мира.

Рядом со мной номер 137 вытряхивает на ладонь голубую таблетку – из пузырька, который он купил. Держа под мышкой своего пса для автографов, он отправляет таблетку в рот.

Кто-то наступил в лужицу крови на бетонном полу. Причем не один раз. Следы босых ног самых разных размеров протянулись кровавыми, липкими цепочками во всех направлениях.

Я спрашиваю, что он делает – я имею в виду, сейчас, – чтобы вернуться на телевидение.

И номер 137 говорит:

– *Вот это* и делаю. – И встряхивает пузырек с таблетками.

7. Мистер 137

Какой-то амбал-мексиканец правит челюсть жирному борову у буфета, а потом ко мне подходит актер, номер 72, тот, который с букетом увядших цветов, и принимается мне объяснять, в чем причина подобной агрессии. Она как-то связана с моделями железных дорог и городом Сиэтлом. С мексиканской мафией и Ватиканом. Он болтает без умолку, этот номер 72, а потом говорит:

– Мне очень жаль.

Я говорю ему: не бери в голову.

Он говорит:

– В смысле, что ваш сериал сняли с эфира.

Я говорю: все фигня.

– В смысле, все эти сплетни в журналах, – говорит номер 72. – Все эти гадости, которые про вас говорили.

Я говорю, что меня это мало волнует.

И этот актер, номер 72, говорит:

– А что вы здесь делаете? Ну, вот *здесь*?

Бранч Бакарди, номер 600, прижимает к кровоточащему соску кусок туалетной бумаги, и каждый раз, когда я смотрю на него, он тоже смотрит на меня. Он может подойти в любую минуту, а я даже не знаю, как начать разговор. У меня нет наготове хорошей вступительной фразы. Звезда «Педерастов Карибского моря» и «Смоки и содомита» – и он запал на меня!

И знаете что?

Нельзя же просто сказать человеку: «Привет, мистер Бранч, я в восторге от вашего дилдо...»

Все мои знакомые, и мужчины, и женщины, держат ваш член в тумбочке у кровати. Вибратор на батарейках или обычный фаллоимитатор с «ручным управлением». Ваш член – царь среди дилдо: не длинный и тонкий, как карандаш, скопированный со стояка Рона Джереми. И уж конечно, не эта массивная, неохватная дура, похожая по всем ощущениям на затор в засорившемся унитазе. Нет, Бранч Бакарди, с его идеальной длиной и диаметром – это лучшая секс-игрушка из всех, сделанных по образу и подобию знаменитостей.

Нет, может быть, это и комплимент, но такой диалог не покатит...

Вокруг слишком много практически голых мужиков – целое море шрамов и татуировок. Коросты и сыпи. Растяжек и пятен от солнечных ожогов. Каталог всех кожных болезней и дефектов кожи. За стеной из прыщей и комариных укусов Бранч Бакарди беседует с Кордом Куэрво. Они склонились друг к другу – о чем-то шепчутся. Бакарди показывает на меня пальцем, Куэрво смотрит. Потом Куэрво кивает и что-то шепчет на ухо Бакарди, и оба смеются.

Ну и ладно, и пусть смеется. Все равно «Super Deluxe» Корда Куэрво совершенно уродский: основание диаметром с пивную банку, ствол длиной в палец и обрезанная головка размером с ластик на карандаше. Эргономический кошмар.

Конечно, всегда можно спросить у Бакарди о перспективах массового производства, о сборочных конвейерах в Китае, где рабочие вкалывают в тяжелейших условиях за символическую зарплату, упаковывают в коробки бесконечные силиконовые копии с его эрекции, еще горячие после отливки в формах из нержавеющей стали. Бессчетные члены Бакарди или эластичные розовые влагалища, сделанные по слепку с бритой муфточки Касси Райт. Китайский рабский труд. Все – вручную. Каждый волосок прикрепляется отдельно, пинцетом. Все оттенки красного, розового и голубого наносятся пульверизатором. В точности, как «в жизни», вплоть до шрама после эпизиотомии на промежности Касси. До каждой вены и

бугорка Бакарди. Так же делают посмертные маски – слепки с лиц знаменитостей в промежутке между кончиной и разложением.

Еще долго после того, как Касси Райт станет старой и выживет из ума, или умрет и сгниет в земле, ее влагалище будет по-прежнему нас соблазнять и тревожить – спрятанное под матрасами, на полках под нижним бельем, в шкафчиках в ванной, рядом с потрепанными порножурналами. Или в витринах антикварных лавок – резиновая эрекция Бакарди по той же цене, что и дилдо ручной работы, вырезанные из слоновой кости для забавы одиноких, давным-давно мертвых жен китобоев с острова Нантакет.

Своего рода бессмертие.

Всегда можно спросить: Как вы относитесь к тому, что член Бранча Бакарди и влагалище Касси Райт низведены на уровень китча? Что они превратились в пошлые *объекты* типа дюшановского писсуара или уорхоловской банки консервированного супа?

Можно спросить про анальную пробку от Бранча Бакарди: Каково это – знать, что люди во всех уголках планеты ходят в школу, в церковь или на работу с вашим членом, направленным в анус?

Каково это – видеть свой член и яйца или свой клитор и срамные губы, клонированные бесчисленное количество раз и лежащие на полке за спиной жующего жвачку продавца в секс-шопе? Или, еще того хуже, ваши самые интимные «штучки», сваленные в кучу в большом магазинном контейнере, и всякие посторонние люди хватают их, тискают, мнут и щиплют – и решают не брать, и кладут их на место, как какие-нибудь авокадо в супермаркете.

Но опять же такой диалог не покатит.

Можно попробовать рассказать забавный анекдот, правдивую историю из жизни лучшего друга. Ну, скажем, Карла. Большого поклонника «Super Deluxe» Бранча Бакарди. И вот как-то утром, сходя по-большому, Карл заглянул в унитаз и увидел в своих испражнениях какие-то тонкие розовые загогулины. Глистов. Аскаррид. Он тут же метнулся к врачу, сдал кал на анализ, но результат был отрицательный. Эти розовые волокна – это были не глисты, а кусочки резины. Резиновая крайняя плоть его «Super Deluxe» изнасилась и начала рассыпаться. Когда врач-проктолог произнес это слово, Карл решил, что он сам себя чувствует точно так же: изношенным и рассыпающимся на части.

Можно рискнуть рассказать историю о том, как Карл подцепил одного мужика – ну, это было давно, несколько лет назад. И вот пришли они к Карлу домой, и тут выясняется, что оба – пассивные. Чтобы все остались довольны, они решили использовать специального двустороннего Бранча Бакарди. Это совокупление сфинктеров проходило вполне себе радостно, пока – знаете что? – пока Карл не почувствовал, что его *paramour du jour* получает удовольствие от отрезка, который явно превышает отведенную ему половину. То, что начиналось как случайная анонимная связь, превратилось в некое подобие заднепроходного секс-перетягивания каната, только без узелка в центре веревки, без флажка, не позволяющего партнеру зайти на твою территорию. Никаких средств защиты от жадности. Никакой силиконовой Берлинской стены – чтобы все было честно.

Да, можно попробовать рассказать эту историю, однако известному порномонстру типа Бранча Бакарди вряд ли будет приятно услышать, что у его продукции есть недостатки.

И не дай бог, Бакарди подумает, что я и есть этот Карл. Что я придумал историю про друга, чтобы скрыть свой собственный конфуз.

У меня жутко потеют подмышки, пот проникает в тряпичную кожу мистера Тото и размывает автограф Бетт Мидлер – «Давай навсегда останемся друзьями! С любовью, Бетт», – превращая слова в размытые синие кляксы. То ли из-за таблеток, то ли из-за нервов, но я уже пропотел насквозь Кэрл Чаннинг и Барбру Стрейзанд. «Наши два дня в Париже – это было божественно. Навеки твоя, Барбра».

Этот актер, номер 72, он перекладывает букет из одной руки в другую. Смотрит на мистера Тото и говорит:

– А какая она, Голди Хоун?

Собственно, плакать никто не станет, потому что Бетт Мидлер была подделкой. Как и Кэрол Чаннинг. И Джейн Фонда. Ну, хорошо, хорошо. Они все поддельные, если по правде. Я сам сделал все надписи, разным почерком, ручками разных цветов.

Потому что к звезде наподобие Касси Райт нельзя подходить с пустым псом для автографов. Я хотел, чтобы она написала свое имя среди целой галактики звезд. Как будто мы все – закадычные друзья.

Но если по правде, я не знаком ни с одной из этих женщин.

А после того как мисс Райт даст мне автограф, я собирался скопировать ее почерк и дописать рядом: «Это был лучший трах в моей жизни! Спасибо!»

Потому что звезду наподобие Касси Райт нельзя просить о такой глубоко личной надписи. Тем более что это неправда.

И нельзя говорить актеру наподобие Бранча Бакарди, что из-за его «Super Deluxe» у тебя образовалась мозоль на простате. Даже если это чистая правда.

Наверное, его сосок перестал кровоточить, потому что Бакарди уже не зажимает его туалетной бумагой. Теперь он перебирает пальцами цепочку на шее. На цепочке – какая-то золотая висюлька. Кулон. Бакарди берет его двумя руками и держит самыми кончиками пальцев. Подцепив ногтем крошечную защелку, открывает кулон и смотрит на то, что внутри. Это не просто подвеска – это медальон. И несомненно, внутри спрятан чей-то миниатюрный портрет или прядка волос.

Еще один вариант бессмертия.

В следующий раз, когда он посмотрит на меня, если он все-таки ко мне подойдет, может быть, я расскажу ему про Ватикан: что если вежливо попросить, смотрители музея откроют заветные ящички и покажут тебе реликвии, хранящиеся внутри. По словам Карла, в этих ящиках лежат вырезанные из мрамора мужские члены. Пенисы из алебастра, оникса, обсидиана. Ряды и ряды выдвижных ящичков, в которых покоятся древние дрыны. Каждый пронумерован, каждый соотнесен с неким кастрированным шедевром. Эта коллекция из нескольких сотен пронумерованных членов – их всех отбили от греческих и римских статуй, от египетских и византийских, и заменили гипсовыми фиговыми листочками.

Бронзовые минойские члены – отрубленные, маленькие, словно пули. Этруссские терракотовые члены, рассыпающиеся в пыль. Эти бесценные елдаки – праведные мира сего не хотят, чтобы их кто-то видел, и все же они представляют немалую ценность, и их нельзя просто выкинуть на помойку.

Как и все эти дилдо Бранча Бакарди и влагалища Касси Райт – в тумбочках возле кроватей и в бардачках автомобилей.

Я мог бы рассказать Бакарди, что первые электрические вибраторы появились в продаже еще в 1890-х годах. Первые бытовые приборы, которые были электрифицированы – это швейная машинка, вентилятор и вибратор. Американцы начали пользоваться электровибраторами на десять лет раньше, чем электрическими пылесосами и утюгами. На двадцать лет раньше, чем электрическими сковородками.

Черт с ним, с домашним хозяйством – главный наш приоритет всегда располагался у нас между ног.

Девочка-ассистентка проходит мимо, держит в руках пакет из-под картофельных чипсов, набитый доверху бумажными салфетками, измазанными в крови. В крови того актера с разбитой губой. Красная кровь и оранжевая крошка со вкусом барбекю расплываются по белой бумаге. Поравнявшись с Бранчем Бакарди, девочка останавливается на пару секунд,

и он бросает в ее пакет комок туалетной бумаги, пропитанной кровью из его порезанного соска.

Глядя на девочку, мальчик с цветами, актер номер 72, говорит:

– Я ее ненавижу. – Он сжимает руки, сминая прозрачную пластиковую пленку, в которую завернуты розы. Кулаки сжимаются все крепче и крепче – пока шипы не протыкают пленку.

Глядя на девочку-ассистентку, актер номер 72 говорит:

– Я бы поспорил на что угодно, что эта стерва выбрасывает все письма, которые приходят на имя Касси Райт, независимо от того, что там внутри и как сильно хочется человеку сказать Касси, как много она для него значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.